СЕРАЯ ШЕЙКА

СКАЗКИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ О ЖИВОТНЫХ

Серая Шейка. Сказки русских писателей о животных

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Виталий Валентинович Бианки, Максим Горький, Владимир Иванович Даль, Алексей Николаевич Толстой, Всеволод Михайлович Гаршин, Лев Николаевич Толстой, Константин Дмитриевич Ушинский

Аннотация
Серая Шейка: сказки русских писателей о животных
Лягушка-путешественница
Серая Шейка
Три медведя
Лиса и козёл
Петух да собака
Плутишка кот
Терентий-Тетерев
Тетерев и лиса
Петушки
Сорока

Воробьишко
Мерин
Лиса и Медведь

Аннотация

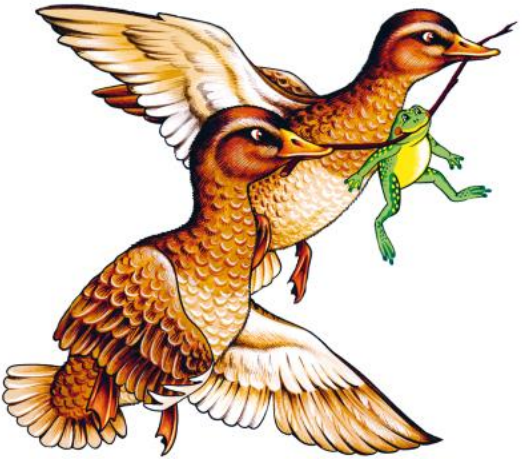
В книгу вошли 13 самых любимых детских сказок о животных: «Серая Шейка», «Лягушка-путешественница», «Терентий-тетерев», «Три медведя» и многие другие. Иллюстрации известных современных художников.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Серая Шейка: сказки русских писателей о животных

Авторы

Виталий Бианки, Владимир Даль, Всеволод Гаршин, Дмитрий Мамин-Сибиряк, Константин Ушинский, Лев Толстой



Иллюстрации
Анастасии Басюбиной, Марины Белоусовой, Екатерины и Елены Здорновых

#эксмодетство

© Бианки В., текст, наследники, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Лягушка-путешественница

Жила-была на свете лягушка-квакушка. Сидела она в болоте, ловила комаров да мошку, весною громко квакала вместе со своими подругами. И весь век она прожила бы благополучно — конечно, в том случае, если бы не съел её аист. Но случилось одно происшествие.

Однажды она сидела на сучке высунувшейся из воды коряги и наслаждалась тёплым мелким дождиком.

«Ах, какая сегодня прекрасная мокрая погода! — думала она. — Какое это наслаждение — жить на свете!»

Дождик моросил по её пёстренькой лакированной спинке; капли его подтекали ей под брюшко и за лапки, и это было восхитительно приятно, так приятно, что она чуть-чуть не заквакала, но, к счастью, вспомнила, что была уже осень, и что осенью лягушки не квакают — на это есть весна, — и что, заквакав, она может уронить своё лягушачье достоинство. Поэтому она промолчала и продолжала нежиться.

Вдруг тонкий, свистящий, прерывистый звук раздался в воздухе. Есть такая порода уток: когда они летят, то их крылья, рассекая воздух, точно поют, или, лучше сказать, посвистывают. Фью-фью-фью-фью — раздаётся в воздухе, когда

летит высоко над вами стадо таких уток, а их самих даже и не видно: так они высоко летят. На этот раз утки, описав огромный полукруг, спустились и сели как раз в то самое болото, где жила лягушка.

— Кря, кря! — сказала одна из них. — Лететь ещё далеко, надо покушать.

И лягушка сейчас же спряталась. Хотя она и знала, что утки не станут есть её, большую и толстую квакушку, но всё-таки на всякий случай она нырнула под корягу. Однако, подумав, она решилась высунуть из воды свою лупоглазую голову: ей было очень интересно узнать, куда летят утки.

— Кря, кря! — сказала другая утка. — Уже холодно становится! Скорей на юг! Скорей на юг!

И все утки стали громко крякать в знак одобрения.

— Госпожи утки! — осмелилась сказать лягушка. — Что такое юг, на который вы летите? Прошу извинения за беспокойство.

И утки окружили лягушку. Сначала у них

явилось желание съесть её, но каждая из них подумала, что лягушка слишком велика и не пролезет в горло. Тогда все они начали кричать, хлопая крыльями:

— Хорошо на юге! Теперь там тепло! Там есть такие славные, тёплые болота! Какие там червяки! Хорошо на юге!

Они так кричали, что почти оглушили лягушку.

Едва-едва она убедила их замолчать и попросила одну из них, которая казалась ей толще и умнее всех, объяснить ей, что такое юг. И когда та рассказала ей о юге, то лягушка пришла в восторг, но в конце всё-таки спросила, потому что была осторожна:

— А много ли там мошек и комаров?

— О! Целые тучи! — отвечала утка.

— Ква! — сказала лягушка и тут же обернулась посмотреть, нет ли здесь подруг, которые могли бы услышать её и осудить за кваканье осенью. Она уж никак не могла удержаться, чтобы не квакнуть хоть разик. — Возьмите меня с собой!

— Это мне удивительно! — воскликнула утка. — Как мы тебя возьмём? У тебя нет крыльев.

— Когда вы летите? — спросила лягушка.

— Скоро, скоро! — закричали все утки. — Кря, кря! Кря, кря! Тут холодно! На юг! На юг!

— Позвольте мне подумать только пять минут, — сказала лягушка. — Я сейчас вернусь, я, наверное, придумаю что-нибудь хорошее.

И она шлёпнулась с сучка, на который было снова влезла, в воду, нырнула в тину и совершенно зарылась в ней, чтобы посторонние предметы не мешали ей размышлять.

Пять минут прошло, утки совсем было собра-

лись лететь, как вдруг из воды, около сучка, на котором сидела лягушка, показалась её морда, и выражение этой морды было самое сияющее, на какое только способна лягушка.

— Я придумала! Я нашла! — сказала она. — Пусть две из вас возьмут в свои клювы прутик, а я прицеплюсь за него посередине. Вы будете лететь, а я ехать. Нужно только, чтобы вы не крякали, а я не квакала, и всё будет превосходно.

Хотя молчать и тащить хотя бы и лёгкую лягушку три тысячи вёрст [1] не бог знает какое удовольствие, но её ум привёл уток в такой восторг, что они единодушно согласились нести её. Решили переменяться каждые два часа, и так как уток было, как говорится в загадке, столько, да ещё столько, да полстолька, да четверть столька, а лягушка была одна, то нести её приходилось не особенно часто.

Нашли хороший, прочный прутик, две утки взяли его в клювы, лягушка прицепилась ртом за середину, и вся стая поднялась на воздух. У лягушки захватило дух от страшной высоты, на которую её подняли; кроме того, утки летели неровно и дёргали прутик; бедная квакушка

---

[1] Примечания: 1

Верста́ — старая мера длины, равная 1066,8 метра.

болталась в воздухе, как бумажный паяц [2], и изо всей мочи стискивала свои челюсти, чтобы не оторваться и не шлёпнуться на землю. Однако она скоро привыкла к своему положению и даже начала осматриваться. Под нею быстро проносились поля, луга, реки и горы, которые ей, впрочем, было очень трудно рассматривать, потому что, вися на прутике, она смотрела назад и немного вверх, но кое-что всё-таки видела и радовалась и гордилась.

«Вот как я превосходно придумала», — думала она про себя. А утки летели вслед за нёсшей её передней парой, кричали и хвалили её.

— Удивительно умная голова — наша лягушка, — говорили они. — Даже между утками мало таких найдётся.

Она едва удержалась, чтобы не поблагодарить их, но, вспомнив, что, открыв рот, она свалится со страшной высоты, ещё крепче стиснула челюсти и решилась терпеть. Она болталась таким образом целый день: нёсшие её утки переменялись на лету, ловко подхватывая прутик. Это было очень страшно: не раз лягушка чуть было не квакнула от страха, но нужно было иметь присутствие

---

[2] Примечания: 2

Паяц — шут; здесь: бумажная игрушка в виде клоуна.

духа, и она его имела.

Вечером вся компания остановилась в каком-то болоте; с зарёю утки с лягушкой снова пустились в путь, но на этот раз путешественница, чтобы лучше видеть, что делается на пути, прицепилась спинкой и головой вперёд, а брюшком назад. Утки летели над сжатыми полями, над пожелтевшими лесами и над деревнями, полными хлеба в скирдах [3]; оттуда доносились людской говор и стук цепов, которыми молотили рожь. Люди смотрели на стаю уток и, замечая в ней что-то странное, показывали на неё руками. И лягушке ужасно захотелось лететь поближе к земле, показать себя и послушать, что о ней говорят. На следующем отдыхе она сказала:

— Нельзя ли нам лететь не так высоко? У меня от высоты кружится голова, и я боюсь свалиться, если мне вдруг сделается дурно.

И добрые утки обещали ей лететь пониже. На следующий день они летели так низко, что слышали голоса:

— Смотрите, смотрите! — кричали дети в одной деревне. — Утки лягушку несут!

Лягушка услышала это, и у неё прыгало сердце.

---

[3] Примечания: 3

Скирда́ — плотно уложенные снопы хлеба для хранения под открытым небом.

— Смотрите, смотрите! — кричали в другой деревне взрослые. — Вот чудо-то!

«Знают ли они, что это придумала я, а не утки?» — подумала квакушка.

— Смотрите, смотрите! — кричали в третьей деревне. — Экое чудо! И кто это придумал такую хитрую штуку?

Тут лягушка уже не выдержала и, забыв всякую осторожность, закричала изо всей мочи:

— Это я! Я!

И с этим криком она полетела вверх тормашками на землю.

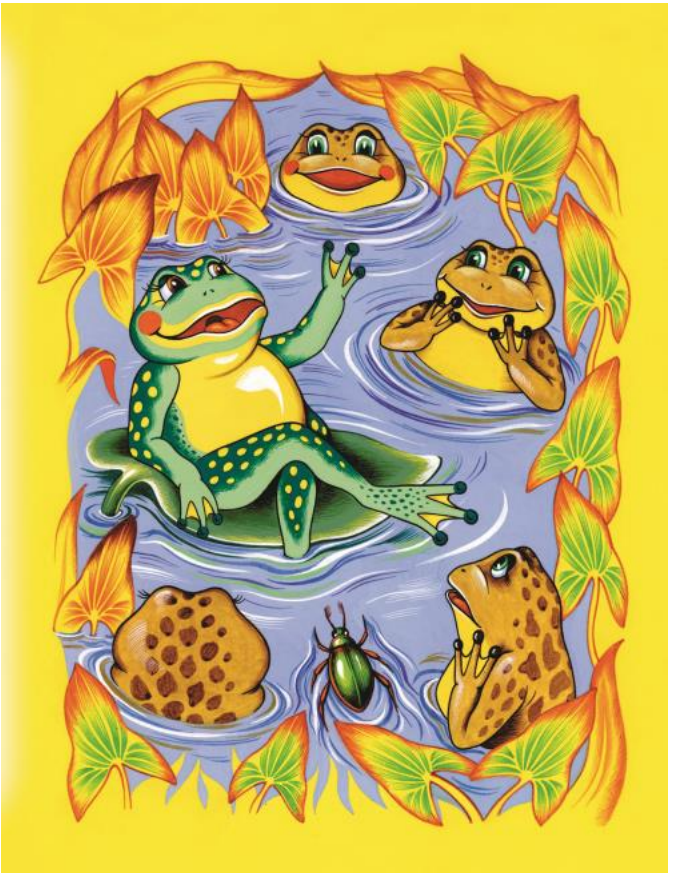
Утки громко закричали; одна из них хотела подхватить бедную спутницу на лету, но промахнулась. Лягушка, дрыгая всеми четырьмя лапками, быстро падала на землю; но так как утки летели очень быстро, то и она упала не прямо на то место, над которым закричала и где была твёрдая дорога, а гораздо дальше, что было для неё большим счастьем, потому что она бултыхнулась в грязный пруд на краю деревни.

Она скоро вынырнула из воды и тотчас же

опять сгоряча закричала во всё горло:

— Это я! Это я придумала!

Но вокруг неё никого не было. Испуганные неожиданным плеском, местные лягушки все попрятались в воду. Когда они начали показываться из неё, то с удивлением смотрели на новую.



И она рассказала им чудную историю о том,

как она думала всю жизнь и наконец изобрела новый, необыкновенный способ путешествия на утках; как у неё были свои собственные утки, которые носили её, куда ей было угодно; как она побывала на прекрасном юге, где так хорошо, где такие прекрасные тёплые болота и так много мошек и всяких других съедобных насекомых.

— Я заехала к вам посмотреть, как вы живёте, — сказала она. — Я пробуду у вас до весны, пока не вернутся мои утки, которых я отпустила.

Но утки уж никогда не вернулись. Они думали, что квакушка разбилась о землю, и очень жалели её.

Серая Шейка

I

Первый осенний холод, от которого пожелтела трава, привёл всех птиц в большую тревогу. Все начали готовиться в далёкий путь, и все имели такой серьёзный, озабоченный вид. Да, нелегко перелететь пространство в несколько тысяч вёрст… Сколько бедных птиц дорогой выбьются из сил, сколько погибнут от разных случайностей, — вообще было о чём серьёзно подумать.

Серьёзная большая птица, как лебеди, гуси и утки, собиралась в дорогу с важным видом, сознавая всю трудность предстоящего подвига; а более всех шумели, суетились и хлопотали маленькие птички, как кулички-песочники, кулички-плавунчики, чернозобики, черныши, зуйки. Они давно уж собирались стайками и переносились с одного берега на другой по отмелям и болотам с такой быстротой, точно кто бросил горсть гороху. У маленьких птичек была такая большая работа…

Лес стоял тёмный и молчаливый, потому что главные певцы улетели, не дожидаясь холода.

— И куда эта мелочь торопится! — ворчал старый Селезень, не любивший себя беспокоить. — В своё время все улетим… Не понимаю, о чём тут

беспокоиться.

— Ты всегда был лентяем, поэтому тебе и неприятно смотреть на чужие хлопоты, — объяснила его жена, старая Утка.

— Я был лентяем? Ты просто несправедлива ко мне, и больше ничего. Может быть, я побольше всех забочусь, а только не показываю вида. Толку от этого немного, если буду бегать с утра до ночи по берегу, кричать, мешать другим, надоедать всем.

Утка вообще была не совсем довольна своим супругом, а теперь окончательно рассердилась.

— Ты посмотри на других-то, лентяй! Вон наши соседи, гуси или лебеди, — любо на них посмотреть. Живут душа в душу… Небось лебедь или гусь не бросит своего гнезда и всегда впереди выводка. Да, да… А тебе до детей и дела нет. Только и думаешь о себе, чтобы набить зоб. Лентяй, одним словом… Смотреть-то на тебя даже противно!

— Не ворчи, старуха!.. Ведь я ничего не говорю, что у тебя такой неприятный характер. У всякого есть свои недостатки… Я не виноват, что гусь — глупая птица и поэтому нянчится со своим выводком. Вообще моё правило — не вмешиваться в чужие дела. Зачем? Пусть всякий живёт по-своему.

Селезень любил серьёзные рассуждения, причём оказывалось как-то так, что именно он, Селезень, всегда прав, всегда умён и всегда лучше всех. Утка давно к этому привыкла, а сейчас волновалась по совершенно особенному случаю.

— Какой ты отец? — накинулась она на мужа. — Отцы заботятся о детях, а тебе — хоть трава не расти!..

— Ты это о Серой Шейке говоришь? Что же я могу поделать, если она не может летать? Я не виноват…

Серой Шейкой они называли свою калеку-дочь, у которой было переломлено крыло ещё весной, когда подкралась к выводку Лиса и схватила утёнка. Старая Утка смело бросилась на врага и отбила утёнка; но одно крылышко оказалось сломанным.

— Даже и подумать страшно, как мы покинем здесь Серую Шейку одну, — повторяла Утка со слезами. — Все улетят, а она останется одна-одинёшенька. Да, совсем одна… Мы улетим на юг, в тепло, а она, бедняжка, здесь будет мёрзнуть… Ведь она наша дочь, и как я её люблю, мою Серую Шейку! Знаешь, старик, останусь-ка я с ней зимовать здесь вместе…

— А другие дети?

— Те здоровы, обойдутся и без меня.

Селезень всегда старался замять разговор, когда речь заходила о Серой Шейке. Конечно, он тоже любил её, но зачем же напрасно тревожить себя? Ну, останется, ну, замёрзнет, — жаль, конечно, а всё-таки ничего не поделаешь. Наконец, нужно подумать и о других детях. Жена вечно волнуется, а нужно смотреть на вещи серьёзно. Селезень про себя жалел жену, но не понимал в полной мере её материнского горя. Уж лучше было бы, если бы тогда Лиса совсем съела Серую Шейку, — ведь всё равно она должна погибнуть зимою.

II

Старая Утка ввиду близившейся разлуки относилась к дочери-калеке с удвоенной нежностью. Бедняжка ещё не знала, что такое разлука и одиночество, и смотрела на сборы других в дорогу с любопытством новичка. Правда, ей иногда делалось завидно, что её братья и сёстры так весело собираются к отлёту, что они будут опять где-то там, далеко-далеко, где не бывает зимы.

— Ведь вы весной вернётесь? — спрашивала Серая Шейка у матери.

— Да, да, вернёмся, моя дорогая… И опять будем жить все вместе.

Для утешения начинавшей задумываться Се-

рой Шейки мать рассказала ей несколько таких же случаев, когда утки оставались на зиму. Она была лично знакома с двумя такими парами.

— Как-нибудь, милая, пробьёшься, — успокаивала старая Утка. — Сначала поскучаешь, а потом привыкнешь. Если бы можно было тебя перенести на тёплый ключ, что и зимой не замерзает, — совсем было бы хорошо. Это недалеко отсюда… Впрочем, что же и говорить-то попусту, всё равно нам не перенести тебя туда!

— Я буду всё время думать о вас… — повторяла бедная Серая Шейка. — Всё буду думать: где вы, что вы делаете, весело ли вам? Всё равно и будет, точно и я с вами вместе.

Старой Утке нужно было собрать все силы, чтобы не выдать своего отчаяния. Она старалась казаться весёлой и плакала потихоньку ото всех. Ах, как ей было жаль милой, бедненькой Серой Шейки… Других детей она теперь почти не замечала и не обращала на них внимания, и ей казалось, что она даже совсем их не любит.

А как быстро летело время… Был уже целый ряд холодных утренников, а от инея пожелтели берёзки и покраснели осины. Вода в реке потемнела, и сама река казалась больше, потому что берега оголели, — береговая поросль быстро

теряла листву. Холодный осенний ветер обрывал засыхавшие листья и уносил их. Небо часто покрывалось тяжёлыми осенними облаками, ронявшими мелкий осенний дождь. Вообще хорошего было мало, и который день уже неслись мимо стаи перелётной птицы… Первыми тронулись болотные птицы, потому что болота уже начинали замерзать. Дольше всех оставались водоплавающие. Серую Шейку больше всего огорчал перелёт журавлей, потому что они так жалобно курлыкали, точно звали её с собой. У неё ещё в первый раз сжалось сердце от какого-то тайного предчувствия, и она долго провожала глазами уносившуюся в небе журавлиную стаю.

«Как им, должно быть, хорошо», — думала Серая Шейка.

Лебеди, гуси и утки тоже начинали готовиться к отлёту. Отдельные гнёзда соединялись в большие стаи. Старые и бывалые птицы учили молодых. Каждое утро эта молодёжь с весёлым криком делала большие прогулки, чтобы укрепить крылья для далёкого перелёта. Умные вожаки сначала обучали отдельные партии, а потом всех вместе. Сколько было крика, молодого веселья и радости… Одна Серая Шейка не могла принимать участие в этих прогулках и любовалась ими толь-

ко издали. Что делать, приходилось мириться со своей судьбой. Зато как она плавала, как ныряла! Вода для неё составляла всё.

— Нужно отправляться… пора! — говорили старики вожаки. — Что нам здесь ждать?

А время летело, быстро летело… Наступил и роковой день. Вся стая сбилась в одну живую кучу на реке. Это было ранним осенним утром, когда вода ещё была покрыта густым туманом. Утиный косяк сбился из трёхсот штук. Слышно было только кряканье главных вожаков. Старая Утка не спала всю ночь — это была последняя ночь, которую она проводила вместе с Серой Шейкой.

— Ты держись вон около того берега, где в реку сбегает ключик, — советовала она. — Там вода не замёрзнет целую зиму…

Серая Шейка держалась в стороне от косяка, как чужая… Да, все были так заняты общим отлётом, что на неё никто не обращал внимания. У старой Утки изболелось всё сердце, глядя на бедную Серую Шейку. Несколько раз она решала про себя, что останется; но как останешься, когда есть другие дети и нужно лететь вместе с косяком?..

— Ну, трогай! — громко скомандовал главный вожак, и стая поднялась разом вверх.

Серая Шейка осталась на реке одна и долго про-

вожала глазами улетавший косяк. Сначала все летели одной живой кучей, а потом вытянулись в правильный треугольник и скрылись.

«Неужели я совсем одна? — думала Серая Шейка, заливаясь слезами. — Лучше бы было, если бы тогда Лиса меня съела…»

III

Река, на которой осталась Серая Шейка, весело катилась в горах, покрытых густым лесом. Место было глухое, и никакого жилья кругом. По утрам вода у берегов начинала замерзать, а днём тонкий, как стекло, лёд таял.

«Неужели вся река замёрзнет?» — думала Серая Шейка с ужасом.

Скучно ей было одной, и она всё думала про своих улетевших братьев и сестёр. Где-то они сейчас? Благополучно ли долетели? Вспоминают ли про неё? Времени было достаточно, чтобы подумать обо всём. Узнала она и одиночество. Река была пуста, и жизнь сохранялась только в лесу, где посвистывали рябчики, прыгали белки и зайцы. Раз со скуки Серая Шейка забралась в лес и страшно перепугалась, когда из-под куста кубарем вылетел Заяц.

— Ах, как ты меня напугала, глупая! — прого-

ворил Заяц, немного успокоившись. — Душа в пятки ушла… И зачем ты толчёшься здесь? Ведь все утки давно улетели…

— Я не могу летать: Лиса мне крылышко перекусила, когда я ещё была совсем маленькой…

— Уж эта мне Лиса!.. Нет хуже зверя. Она и до меня давно добирается… Ты берегись её, особенно когда река покроется льдом. Как раз сцапает…

Они познакомились. Заяц был такой же беззащитный, как и Серая Шейка, и спасал свою жизнь постоянным бегством.

— Если бы мне крылья, как птице, так я бы, кажется, никого на свете не боялся!.. У тебя вот хоть и крыльев нет, так зато ты плавать умеешь, а не то возьмёшь и нырнёшь в воду, — говорил он. — А я постоянно дрожу со страху… У меня — кругом враги. Летом ещё можно спрятаться куда-нибудь, а зимой всё видно.

Скоро выпал и первый снег, а река всё ещё не поддавалась холоду. Всё, что замерзало по ночам, вода разбивала. Борьба шла не на живот, а на смерть. Всего опаснее были ясные, звёздные ночи, когда всё затихало и на реке не было волн. Река точно засыпала, и холод старался сковать её льдом сонную. Так и случилось. Была тихая-тихая звёздная ночь. Тихо стоял тёмный лес на берегу,

точно стража из великанов. Горы казались выше, как это бывает ночью. Высокий месяц обливал всё своим трепетным искрившимся светом. Бурлившая днём горная река присмирела, и к ней тихо-тихо подкрался холод, крепко-крепко обнял гордую, непокорную красавицу и точно прикрыл её зеркальным стеклом. Серая Шейка была в отчаянии, потому что не замёрзла только самая середина реки, где образовалась широкая полынья. Свободного места, где можно было плавать, оставалось не больше пятнадцати сажен [4]. Огорчение Серой Шейки дошло до последней степени, когда на берегу показалась Лиса, — это была та самая Лиса, которая переломила ей крыло.

[4] Примечания: 4
Сажéнь — 213 сантиметров.

— А, старая знакомая, здравствуй! — ласково

проговорила Лиса, останавливаясь на берегу. — Давненько не видались… Поздравляю с зимой.

— Уходи, пожалуйста; я совсем не хочу с тобой разговаривать, — ответила Серая Шейка.

— Это за мою-то ласку! Хороша же ты, нечего сказать!.. А впрочем, про меня много лишнего говорят. Сами наделают что-нибудь, а потом на меня и свалят… Пока — до свиданья!

Когда Лиса убралась, приковылял Заяц и сказал:

— Берегись, Серая Шейка: она опять придёт.

И Серая Шейка тоже начала бояться, как боялся Заяц. Бедная даже не могла любоваться творившимися кругом неё чудесами. Наступила уже настоящая зима. Земля была покрыта белоснежным ковром. Не оставалось ни одного тёмного пятнышка. Даже голые берёзы, ольхи, ивы и рябины убрались инеем, точно серебристым пухом. А ели сделались ещё важнее. Они стояли засыпанные снегом, как будто надели дорогую тёплую шубу. Да, чудно, хорошо было кругом; а бедная Серая Шейка знала только одно, что эта красота не для неё, и трепетала при одной мысли, что её полынья вот-вот замёрзнет и ей некуда будет деться. Лиса действительно пришла через несколько дней, села на берегу и опять

заговорила:

— Соскучилась я по тебе, уточка… Выходи сюда; а не хочешь, так я сама к тебе приду. Я не спесива…

И Лиса принялась ползти осторожно по льду к самой полынье. У Серой Шейки замерло сердце. Но Лиса не могла подобраться к самой воде, потому что там лёд был ещё очень тонок. Она положила голову на передние лапки, облизнулась и проговорила:

— Какая ты глупая, уточка… Вылезай на лёд! А впрочем, до свиданья! Я тороплюсь по своим делам…

Лиса начала приходить каждый день — проведать, не застыла ли полынья. Наступившие морозы делали своё дело. От большой полыньи оставалось всего одно окно в сажень величиной. Лёд был крепкий, и Лиса садилась на самом краю. Бедная Серая Шейка со страху ныряла в воду, а Лиса сидела и зло подсмеивалась над ней:

— Ничего, ныряй, а я тебя всё равно съем… Выходи лучше сама.

Заяц видел с берега, что проделывала Лиса, и возмущался всем своим заячьим сердцем:

— Ах, какая бессовестная эта Лиса!.. Какая несчастная эта Серая Шейка! Съест её Лиса…

IV

По всей вероятности, Лиса и съела бы Серую Шейку, когда полынья замёрзла бы совсем, но случилось иначе. Заяц всё видел своими собственными косыми глазами.

Дело было утром. Заяц выскочил из своего логовища покормиться и поиграть с другими зайцами. Мороз был здоровый, и зайцы грелись, поколачивая лапку о лапку. Хотя и холодно, а всё-таки весело.

— Братцы, берегитесь! — крикнул кто-то.

Действительно, опасность была на носу. На опушке леса стоял сгорбленный старичок-охотник, который подкрался на лыжах совершенно неслышно и высматривал, которого бы зайца застрелить.

«Эх, тёплая старухе шуба будет», — соображал он, выбирая самого крупного зайца.

Он даже прицелился из ружья, но зайцы его заметили и кинулись в лес, как сумасшедшие.

— Ах, лукавцы! — рассердился старичок. — Вот ужо я вас… Того не понимают, глупые, что нельзя старухе без шубы. Не мёрзнуть же ей… А вы Акинтича не обманете, сколько ни бегайте. Акинтич-то похитрее будет… А старуха Акинтичу вон как наказывала: «Ты смотри, старик, без шубы не приходи!» А вы сигать…

Старичок пустился разыскивать зайцев по следам, но зайцы рассыпались по лесу, как горох. Старичок порядком измучился, обругал лукавых зайцев и присел на берегу реки отдохнуть.

— Эх, старуха, старуха, убежала наша шуба! — думал он вслух. — Ну, вот отдохну и пойду искать другую…

Сидит старичок, горюет, а тут, глядь, Лиса по реке ползёт, — так и ползёт, точно кошка.

— Ге, ге, вот так штука! — обрадовался ста-

ричок. — К старухиной-то шубе воротник сам ползёт… Видно, пить захотела, а то, может, и рыбки вздумала половить.

Лиса действительно подползла к самой полынье, в которой плавала Серая Шейка, и улеглась на льду. Стариковские глаза видели плохо и из-за Лисы не замечали утки.

«Надо так её застрелить, чтобы воротника не испортить, — соображал старик, прицеливаясь в Лису. — А то вот как старуха будет браниться, если воротник-то в дырьях окажется… Тоже своя сноровка везде надобна, а без снасти и клопа не убьёшь».

Старичок долго прицеливался, выбирая место в будущем воротнике. Наконец грянул выстрел. Сквозь дым от выстрела охотник видел, как что-то метнулось на льду, — и со всех ног кинулся к полынье; по дороге он два раза упал, а когда добежал до полыньи, то только развёл руками — воротника как не бывало, а в полынье плавала одна перепуганная Серая Шейка.

— Вот так штука! — ахнул старичок, разводя руками. — В первый раз вижу, как Лиса в утку обратилась. Ну и хитёр зверь!

— Дедушка, Лиса убежала, — объяснила Серая Шейка.

— Убежала? Вот тебе, старуха, и воротник к шубе… Что же я теперь буду делать, а? Ну и грех вышел… А ты, глупая, зачем тут плаваешь?

— А я, дедушка, не могла улететь вместе с другими. У меня одно крылышко попорчено…

— Ах, глупая, глупая… Да ведь ты замёрзнешь тут или Лиса тебя съест! Да…

Старичок подумал-подумал, покачал головой и решил:

— А мы вот что с тобой сделаем: я тебя внучкам унесу. Вот-то обрадуются… А весной ты старухе яичек нанесёшь да утяток выведешь. Так я говорю? Вот то-то, глупая…

Старичок добыл Серую Шейку из полыньи и положил за пазуху. «А старухе я ничего не скажу, — соображал он, направляясь домой. — Пусть её шуба с воротником вместе ещё погуляет в лесу. Главное: внучки вот как обрадуются…»

Зайцы всё это видели и весело смеялись. Ничего, старуха и без шубы на печке не замёрзнет.

Три медведя

Одна девочка ушла из дома в лес. В лесу она заблудилась и стала искать дорогу домой, да не нашла, а пришла в лесу к домику.

Дверь была отворена; она посмотрела в дверь, видит: в домике никого нет, и вошла. В домике этом жили три медведя. Один медведь был отец, звали его Михайло Иванович. Он был большой и лохматый. Другой была медведица. Она была поменьше, и звали её Настасья Петровна. Третий был маленький медвежонок, и звали его Мишутка. Медведей не было дома, они ушли гулять по лесу.

В домике было две комнаты: одна столовая, другая спальня. Девочка вошла в столовую и увидела на столе три чашки с похлёбкой. Первая чашка, очень большая, была Михайлы Иваныча. Вторая чашка, поменьше, была Настасьи Петровнина; третья, синенькая чашечка, была Мишуткина. Подле каждой чашки лежала ложка: большая, средняя и маленькая.

Девочка взяла самую большую ложку и похлебала из самой большой чашки; потом взяла среднюю ложку и похлебала из средней чашки; потом взяла маленькую ложечку и похлебала из синенькой чашечки; и Мишуткина похлёбка ей показалась лучше всех.

Девочка захотела сесть и видит у стола три стула: один большой — Михайлы Иваныча; другой поменьше — Настасьи Петровнин, а третий, маленький, с синенькой подушечкой, — Мишуткин. Она полезла на большой стул и упала; потом села на средний стул, на нём было неловко; потом села на маленький стульчик и засмеялась — так было хорошо. Она взяла синенькую чашечку на колени и стала есть. Поела всю похлёбку и стала качаться на стуле.

Стульчик проломился, и она упала на пол. Она встала, подняла стульчик и пошла в другую

горницу. Там стояли три кровати: одна большая — Михайлы Иванычева; другая средняя — Настасьи Петровнина; третья маленькая — Мишенькина. Девочка легла в большую, ей было слишком просторно; легла в среднюю — было слишком высоко; легла в маленькую — кроватка пришлась ей как раз впору, и она заснула.

А медведи пришли домой голодные и захотели обедать.

Большой медведь взял чашку, взглянул и заревел страшным голосом:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ?

Настасья Петровна посмотрела на свою чашку и зарычала не так громко:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ?

А Мишутка увидал свою пустую чашечку и запищал тонким голосом:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ И ВСЁ ВЫХЛЕБАЛ?

Михайло Иваныч взглянул на свой стул и зарычал страшным голосом:

— КТО СИДЕЛ НА МОЁМ СТУЛЕ И СДВИНУЛ ЕГО С МЕСТА?

Настасья Петровна взглянула на свой стул и зарычала не так громко:

— КТО СИДЕЛ НА МОЁМ СТУЛЕ И СДВИНУЛ ЕГО

С МЕСТА?

Мишутка взглянул на свой сломанный стульчик и пропищал:

— КТО СИДЕЛ НА МОЁМ СТУЛЕ И СЛОМАЛ ЕГО?

Медведи пришли в другую горницу.

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ И СМЯЛ ЕЁ? — заревел Михайло Иваныч страшным голосом.

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ И СМЯЛ ЕЁ? — зарычала Настасья Петровна не так громко.

А Мишенька подставил скамеечку, полез в

свою кроватку и запищал тонким голосом:

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ?

И вдруг он увидал девочку и завизжал так, как будто его режут:

— Вот она! Держи, держи! Вот она! Ай-я-яй!

Держи!

Он хотел её укусить.

Девочка открыла глаза, увидела медведей и бросилась к окну. Оно было открыто, она выскочила в окно и убежала. И медведи не догнали её.

Лиса и козёл

Бежала лиса, на ворон зазевалась — и попала в колодец. Воды в колодце было немного: утонуть нельзя, да и выскочить тоже. Сидит лиса, горюет. Идёт козёл, умная голова; идёт, бородищей трясёт, рожищами мотает; заглянул от нечего делать в колодец, увидел там лису и спрашивает:

— Что ты там, лисонька, поделываешь?

— Отдыхаю, голубчик, — отвечает лиса. — Там наверху жарко, так я сюда забралась. Уж как здесь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой — сколько хочешь.

А козлу давно пить хочется.

— Хороша ли вода-то? — спрашивает козёл.

— Отличная! — отвечает лиса. — Чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь; здесь обоим нам место будет.

Прыгнул сдуру козёл, чуть лисы не задавил, а она ему:

— Эх, бородатый дурень! И прыгнуть-то не умел — всю обрызгал. ‘

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца.

Чуть было не пропал козёл с голоду в колодце; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

Петух да собака

Жил старичок со старушкой, и жили они в большой бедности. Всех животов у них только и было, что петух и собака, да и тех они плохо кормили. Вот собака и говорит петуху:

— Давай, брат Петька, уйдём в лес: здесь нам житьё плохое.

— Уйдём, — говорит петух, — хуже не будет.

Вот и пошли они куда глаза глядят. Прободили целый день; стало смеркаться — пора на ночлег приставать. Сошли они с дороги в лес и выбрали большое дуплистое дерево. Петух взлетел на сук, собака залезла в дупло — и заснули.

Утром, только что заря стала заниматься, петух и закричал: «Ку-ку-ре-ку!» Услыхала петуха лиса; захотелось ей петушьим мясом полакомиться. Вот она подошла к дереву и стала петуха расхваливать:

— Вот петух так петух! Такой птицы я никогда не видывала: и пёрышки-то какие красивые, и гребень-то какой красный, и голос-то какой звонкий! Слети ко мне, красавчик.

— А за каким делом? — спрашивает петух.

— Пойдём ко мне в гости: у меня сегодня новоселье, и про тебя много горошку припасено.

— Хорошо, — говорит петух, — только мне одному идти никак нельзя: со мной товарищ.

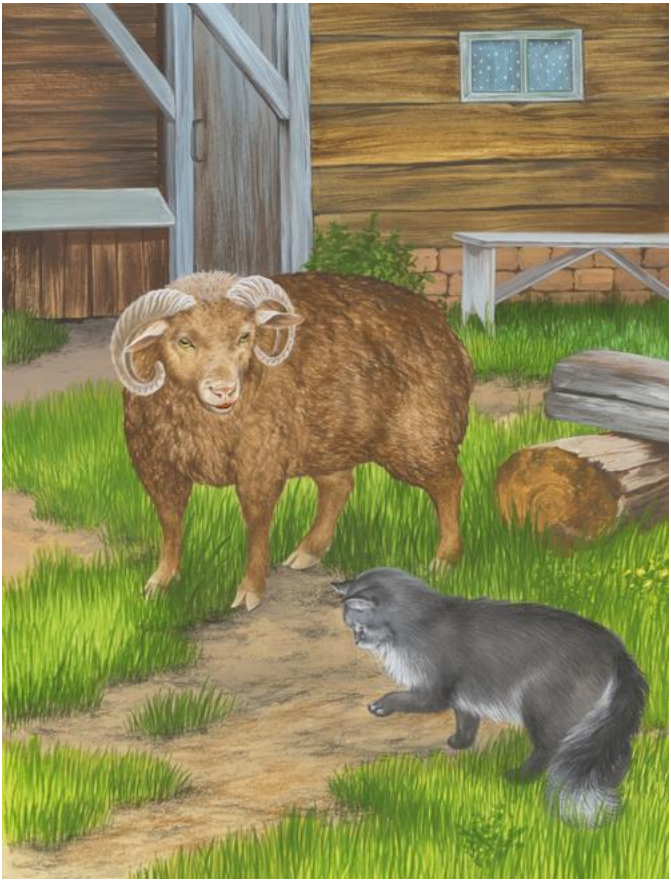
«Вот какое счастье привалило! — подумала лиса. — Вместо одного петуха будет два».

— Где же твой товарищ? — спрашивает она. — Я и его в гости позову.

— Там, в дупле ночует, — отвечает петух.

Лиса кинулась в дупло, а собака её за морду — цап!.. Поймала и разорвала лису.

Плутишка кот



I

Жили-были на одном дворе кот, козёл да баран. Жили они дружно: сена клок и тот пополам; а коли вилы в бок, так одному коту Ваське. Он такой вор и разбойник: где что плохо лежит, туда и глядит. Вот идёт раз котишко-мурлышко, серый лобишко; идёт да таково жалостно плачет. Спрашивают кота козёл да баран:

— Котик-коток, серенький лобок! О чём ты плачешь, на трёх ногах скачешь?

Отвечает им Вася:

— Как мне не плакать! Била меня баба, била; уши выдирала, ноги поломала, да ещё и удавку на меня припасала.

— А за что же на тебя такая беда пришла? — спрашивают козёл да баран.

— Эх-эх! За то, что нечаянно сметанку слизал.

— Поделом вору и мука, — говорит козёл, — не воруй сметаны!

Вот кот опять плачет:

— Била меня баба, била; била — приговаривала: придёт ко мне зять, где сметаны будет взять? Поневоле придётся козла да барана резать.

Заревели тут козёл да баран:

— Ах ты, серый ты кот, бестолковый твой лоб!

За что ты нас-то сгубил?

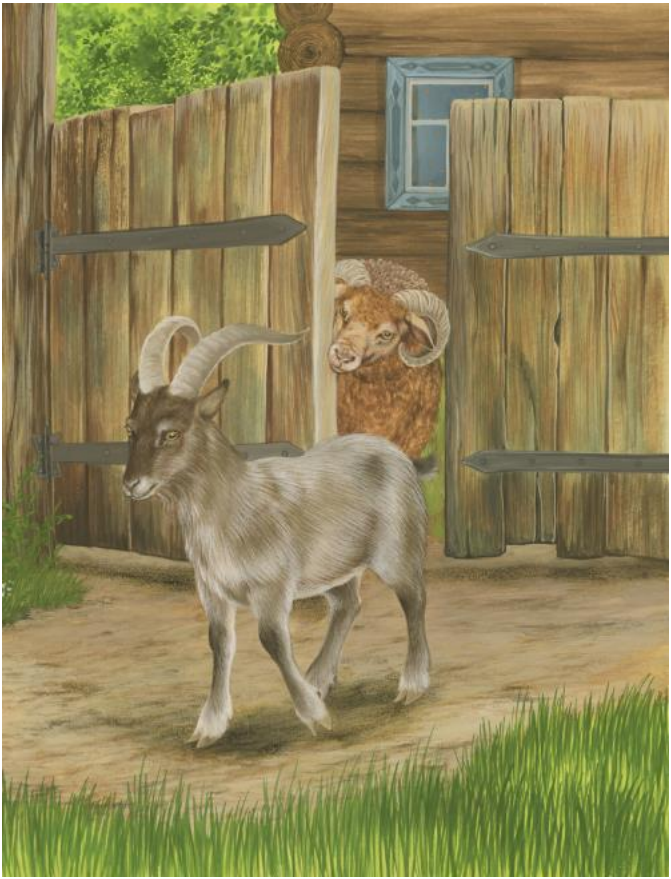
Стали они судить да рядить, как бы им беды великой избыть, — и порешили тут же: всем троим бежать. Подстерегли, как хозяйка не затворила ворот, и ушли.

II

Долго бежали кот, козёл да баран по долам, по горам, по сыпучим пескам; пристали и порешили заночевать на скошенном лугу; а на том лугу стога, что города, стоят.

Ночь была тёмная, холодная: где огня добыть? А котишка-мурлышка уж достал берёсты, обернул козлу рога и велел ему с бараном лбами стукнуться. Стукнулись козёл с бараном, искры из глаз посыпались: берёсточка так и запылала.

— Ладно, — молвил серый кот, — теперь обогреемся! — Да недолго думавши и зажёг целый стог сена.



Не успели они ещё порядком обогреться, как

жалует к ним незваный гость — мужичок-серячок, Михайло Потапыч Топтыгин.

— Пустите, — говорит, — братцы, обогреться да отдохнуть; что-то мне неможется.

— Добро пожаловать, мужичок-серячок! — говорит котик. — Откуда идёшь?

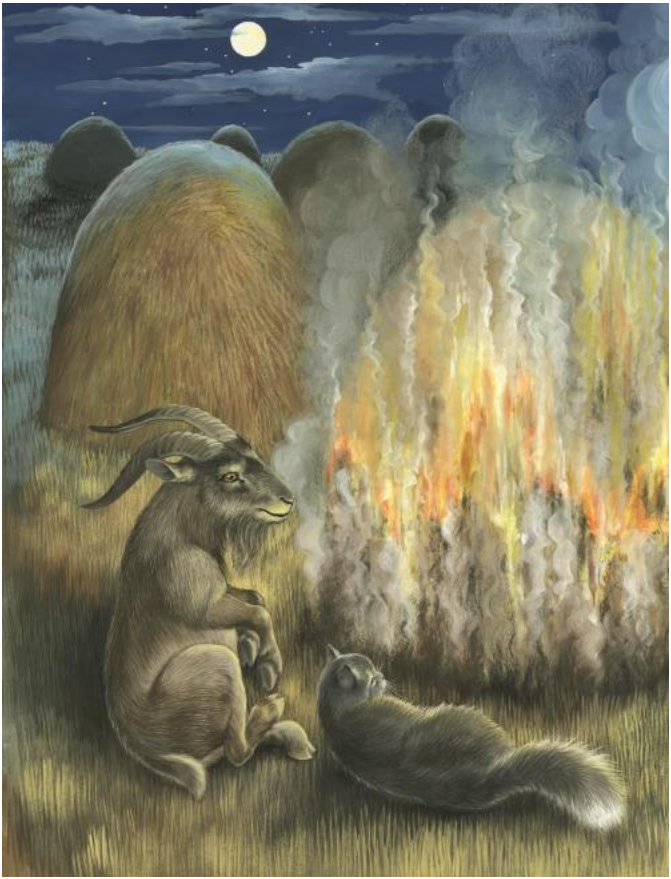
— Ходил на пчельник, — говорит медведь, — пчёлок проведать, да подрался с мужиками, оттого и хворость прикинулась.

Вот стали они все вместе ночку коротать: козёл да баран у огня, мурлышка на стог влез, а медведь под стог забился.

III

Заснул медведь; козёл да баран дремлют; один мурлыка не спит и всё видит. И видит он: идут семь волков серых, один белый — и прямо к огню.

— Фу-фу! Что за народ такой! — говорит белый волк козлу да барану. — Давай-ка силу пробовать.



Заблеяли тут со страху козёл да баран; а котиш-

ка, серый лобишка, повёл такую речь:

— Ах ты, белый волк, над волками князь! Не гневи ты нашего старшего: он, помилуй бог, сердит! Как расходится — никому несдобровать. Аль не видишь у него бороды: в ней-то и вся сила; бородой он всех зверей побивает, рогами только кожу сымает. Лучше подойдите да честью попросите: хотим-де поиграть с твоим меньшим братцем, что под стогом спит.

Волки на том козлу кланялись; обступили

Мишу и ну заигрывать. Вот Миша крепился-крепился да как хватит на каждую лапу по волку, так запели они лазаря [5]. Выбрались волки из-под стога еле живы и, поджав хвосты, — давай бог ноги!

Козёл же да баран, пока медведь с волками расправлялся, подхватили мурлышку на спину и поскорей домой: «Полно, говорят, без пути таскаться, ещё не такую беду наживём».

Старик и старушка были рады-радёхоньки, что козёл с бараном домой воротились; а котишку-мурлышку ещё за плутни выдрали.

[5] Примечания: 5

Запе́ть ла́заря — жаловаться на судьбу, плакаться.

Терентий-Тетерев

Жил в лесу Тетерев, Терентием звали.

Летом ему хорошо было: в траве, в густой листве от злых глаз прятался. А пришла зима, облетели кусты и деревья — и схорониться негде.

Вот звери лесные, злые, и заспорили, кому теперь Терентий-Тетерев на обед достанется. Лисица говорит — ей, Куница говорит — ей.

Лисица говорит:

— Терентий спать на землю сядет, в кусту. Летом его в кусту не видно, а нынче — вон он. Я понизу промышляю, я его и съем.

А Куница говорит:

— Нет, Терентий спать на дереве сядет. Я поверху промышляю, я его и съем.

Терентий-Тетерев услыхал их спор, испугался. Полетел на опушку, сел на макушку и давай думать, как ему злых зверей обмануть. На дереве сядешь — Куница поймает, на землю слетишь — Лисица сцапает. Где же ночевать-то?

Думал-думал, думал-думал — ничего не придумал и задремал. Задремал — и видит во сне, будто он не на дереве, не на земле спит, а в воздухе. Кунице с дерева его не достать и Лисице с земли не достать: вот только ноги под себя поджать, — ей и не допрыгнуть.

Терентий во сне ноги-то поджал да бух с ветки! А снег был глубокий, мягкий, как пух. Неслышно по нему крадётся Лисица. К опушке бежит. А поверху, по веткам, Куница скачет и тоже к опушке. Обе за Терентием-Тетеревом спешат.

Вот Куница первая прискакала к дереву да все деревья оглядела, все ветки облазила, — нет Терентия!

«Эх, — думает, — опоздала! Видно, он на земле, в кусту спал. Лисице, верно, достался».

А Лисица прибежала, всю опушку оглядела, все кусты облазила, — нет Терентия!

«Эх, — думает, — опоздала! Видно, он на дереве спал. Кунице, видно, достался».

Подняла голову Лиса, а Куница — вот она: на суку сидит, зубы скалит.

Лисица рассердилась, как крикнет:

— Ты моего Терентия съела, — вот я тебе!

А Куница ей:

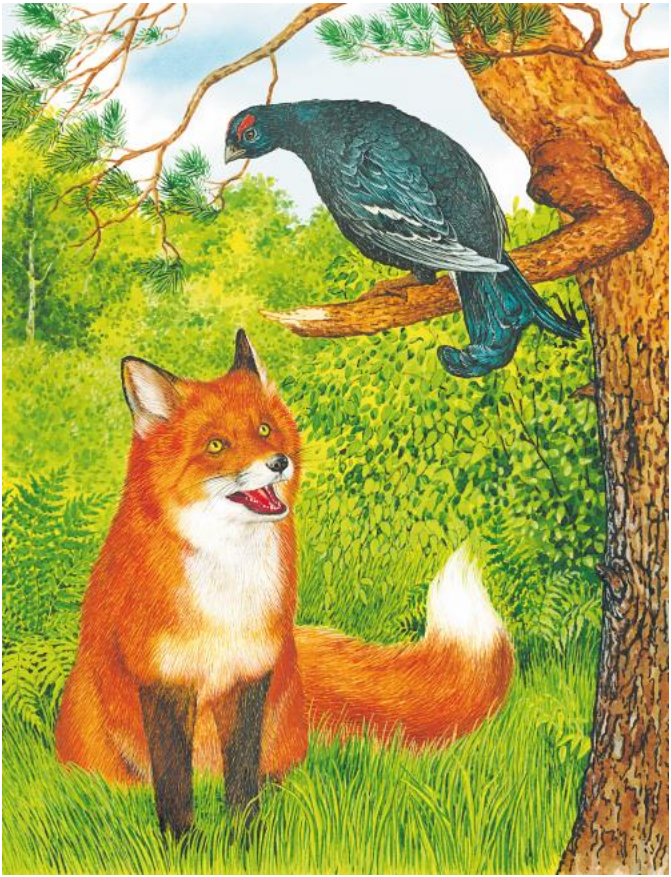
— Сама съела, а на меня говоришь. Вот я тебе!

И схватились они драться.

Жарко дерутся: снег под ними тает, клочья летят.

Вдруг — трах-та-та-тах! — из-под снега чем-то чёрным как выпалит!

У Лисицы и Куницы от страха душа в пятки. Кинулись в разные стороны: Куница — на дерево, Лисица — в кусты.



А это Терентий-Тетерев выскочил. Он как с

дерева свалился, так в снегу и заснул. Только шум да драка его разбудили, а то, наверное, и сейчас бы спал.

С тех пор все тетерева зимой в снегу спят: тепло им там, и уютно, и от злых глаз безопасно.

Тетерев и лиса

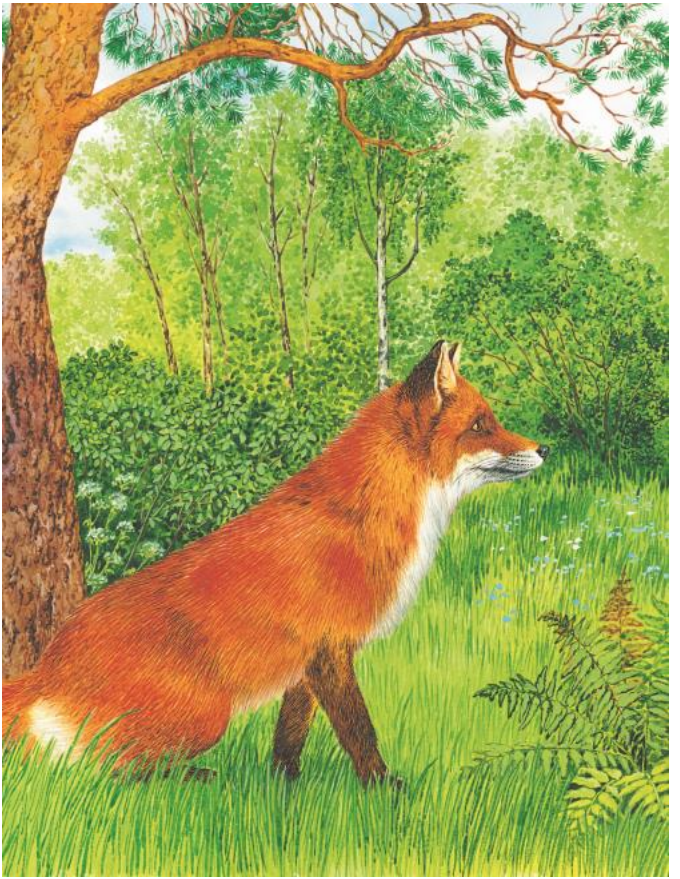
Тетерев сидел на дереве. Лисица подошла к нему и говорит:

— Здравствуй, тетеревочек, мой дружочек, как услышала твой голосочек, так и пришла тебя проведать.

— Спасибо на добром слове, — сказал тетерев.

Лисица притворилась, что не расслышит, и говорит:

— Что говоришь? Не слышу. Ты бы, тетеревочек, мой дружочек, сошёл на травушку погулять, поговорить со мной, а то я с дерева не расслышу.



Тетерев сказал:

— Боюсь я сходить на траву. Нам, птицам, опасно ходить по земле.

— Или ты меня боишься? — сказала лисица.

— Не тебя, так других зверей боюсь, — сказал тетерев. — Всякие звери бывают.

— Нет, тетеревочек, мой дружочек, нынче указ объявлен, чтобы по всей земле мир был. Нынче уж звери друг друга не трогают.

— Вот это хорошо, — сказал тетерев, — а то вот собаки бегут, кабы по-старому, тебе бы уходить надо, а теперь тебе бояться нечего.

Лисица услыхала про собак, навострила уши и хотела бежать.

— Куда ж ты? — сказал тетерев. — Ведь нынче указ, собаки не тронут.

— А кто их знает! — сказала лисица. — Может, они указа не слыхали.

И убежала.

Петушки

На избушке Бабы-яги, на деревянной ставне, вырезаны девять петушков. Красные головки, крылышки золотые.

Настанет ночь, проснутся в лесу древяницы и кикиморы, примутся ухать да возиться, и захочется петушкам тоже ноги поразмять.

Соскочат со ставни в сырую траву, нагнут шейки, забегают. Щиплют траву, дикие ягоды. Леший попадётся, и лешего за пятку ущипнут.

Шорох, беготня по лесу. А на заре вихрем примчится Баба-яга на ступе с трещиной и крикнет петушкам:

— На место, бездельники!

Не смеют ослушаться петушки и, хоть не хочется, — прыгают в ставню и делаются деревянными, как были.

Но раз на заре не явилась Баба-яга — ступа дорогой в болоте завязла.

Радёхоньки петушки; побежали на чистую кулижку[6], взлетели на сосну. Взлетели и ахнули.

Дивное диво! Алой полосой над лесом горит небо, разгорается; бегает ветер по листикам; садится роса.

А красная полоса разливается, яснеет. И вот

---

[6] Примечания: 6

Кули́жка — ровная и чистая лесная полянка.

выкатило огненное солнце.

В лесу светло, птицы поют, и шумят, шумят листья на деревах.

У петушков дух захватило. Хлопнули они золотыми крылышками и запели — кукареку! С радости.

А потом полетели за дремучий лес на чистое поле, подальше от Бабы-яги.

И с тех пор на заре просыпаются петушки и кукаречут:

— Кукареку, пропала Баба-яга, солнце идёт!

Сорока

За калиновым мостом, на малиновом кусту калачи медовые росли да пряники с начинкой. Каждое утро прилетала сорока-белобока и ела пряники.

Покушает, почистит носок и улетит детей пряниками кормить.

Раз спрашивает сороку синичка-птичка:

— Откуда, тётенька, ты пряники с начинкой таскаешь? Моим детям тоже бы их поесть охота. Укажи мне это доброе место.

— А у чёрта на кулижках, — отвечала сорока-белобока, обманула синичку.

— Неправду ты говоришь, тётенька, — пискнула синичка-птичка, — у чёрта на кулижках одни сосновые шишки валяются, да и те пустые. Скажи — всё равно выслежу.

Испугалась сорока-белобока, пожадничала. Полетела к малиновому кусту и съела и калачи медовые, и пряники с начинкой, всё дочиста.

И заболел у сороки живот. Насилу домой доплелась. Сорочат растолкала, легла и охает…

— Что с тобой, тётенька? — спрашивает синичка-птичка. — Или болит чего?

— Трудилась я, — охает сорока, — истомилась, кости болят.

— Ну, то-то, а я думала другое что, от другого

чего я средство знаю: трава Сандрит, от всех болестей целит.

— А где Сандрит-трава растёт? — взмолилась сорока-белобока.

— А у чёрта на кулижках, — ответила синичка-птичка, крылышками детей закрыла и заснула.

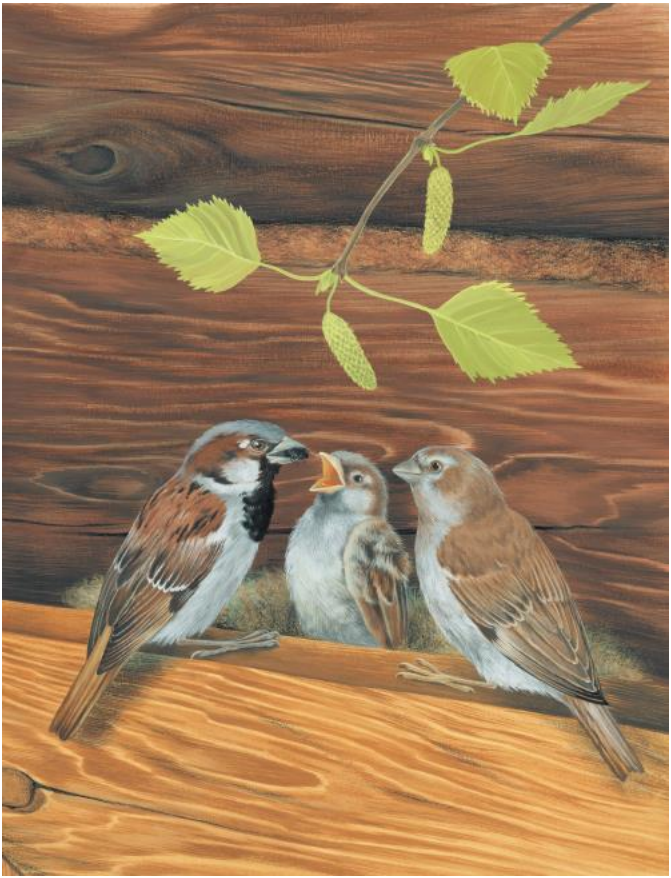
«У чёрта на кулижке одни сосновые шишки, — подумала сорока, — да и те пустые». — И затосковала: очень живот болел у белобокой.

И с боли да тоски на животе сорочьем перья все

повылезли, и стала сорока — голобока.

От жадности.

Воробьишко



У воробьёв совсем так же, как у людей: взрослые воробьи и воробьихи — пичужки скучные и обо всём говорят, как в книжках написано, а молодёжь — живёт своим умом.

Жил-был желторотый воробей, звали его Пудик, а жил он над окошком бани, за верхним наличником, в тёплом гнезде из пакли, мохови-нок и других мягких материалов. Летать он ещё не пробовал, но уже крыльями махал и всё выглядывал из гнезда: хотелось поскорее узнать — что такое божий мир и годится ли он для него?

— Что, что? — спрашивала его воробьиха-мама.

Он потряхивал крыльями и, глядя на землю, чирикал:

— Чересчур черна, чересчур!

Прилетал папаша, приносил букашек Пудику и хвастался:

— Чив ли я?

Мама-воробьиха одобряла его:

— Чив, чив!

А Пудик глотал букашек и думал: «Чем чванятся — червяка с ножками дали — чудо!» И всё высовывался из гнезда, всё разглядывал.

— Чадо, чадо, — беспокоилась мать, — смотри — чебурахнешься!

— Чем, чем? — спрашивал Пудик.

— Да не чем, а упадёшь на землю, кошка — чик! — и слопает! — объяснял отец, улетая на охоту.

Так всё и шло, а крылья расти не торопились. Подул однажды ветер, Пудик спрашивает:

— Что, что?

— Ветер. Дунет он на тебя — чирик! — и сбросит на землю — кошке! — объяснила мать.

Это не понравилось Пудику, он и сказал:

— А зачем деревья качаются? Пусть перестанут, тогда ветра не будет…

Пробовала мать объяснить ему, что это не так, но он не поверил — он любил объяснять всё по-своему.

Идёт мимо бани мужик, машет руками.

— Чисто крылья ему оборвала кошка, — сказал Пудик, — одни косточки остались!

— Это человек, они все бескрылые! — сказала

воробьиха.

— Почему?

— У них такой чин, чтобы жить без крыльев, они всегда на ногах прыгают, чу?

— Зачем?

— Будь-ка у них крылья, так они бы и ловили нас, как мы с папой мошек…

— Чушь! — сказал Пудик. — Чушь, чепуха! Все должны иметь крылья. Чать[7], на земле хуже, чем в воздухе!.. Когда я вырасту большой, я сделаю, чтобы все летали.

Пудик не верил маме; он ещё не знал, что, если маме не верить, это плохо кончится. Он сидел на самом краю гнезда и во всё горло распевал стихи собственного сочинения:

Эх, бескрылый человек,
У тебя две ножки,
Хоть и очень ты велик,
Едят тебя мошки!
А я маленький совсем,
Зато сам мошек ем.

Пел, пел, да и вывалился из гнезда, а воробьиха за ним, а кошка — рыжая, зелёные глаза — тут

---

[7] Примечания: 7
Чать — наверняка (*устар.*).

как тут.

Испугался Пудик, растопырил крылья, качается на сереньких ногах и чирикает:

— Честь имею, имею честь…

А воробьиха отталкивает его в сторону, перья у неё дыбом встали — страшная, храбрая, клюв раскрыла — в глаз кошке целит.

— Прочь, прочь! Лети, Пудик, лети на окно, лети…

Страх приподнял с земли воробьишку, он подпрыгнул, замахал крыльями — раз, раз и — на окне! Тут и мама подлетела — без хвоста, но в большой радости, села рядом с ним, клюнула его в затылок и говорит:

— Что, что?

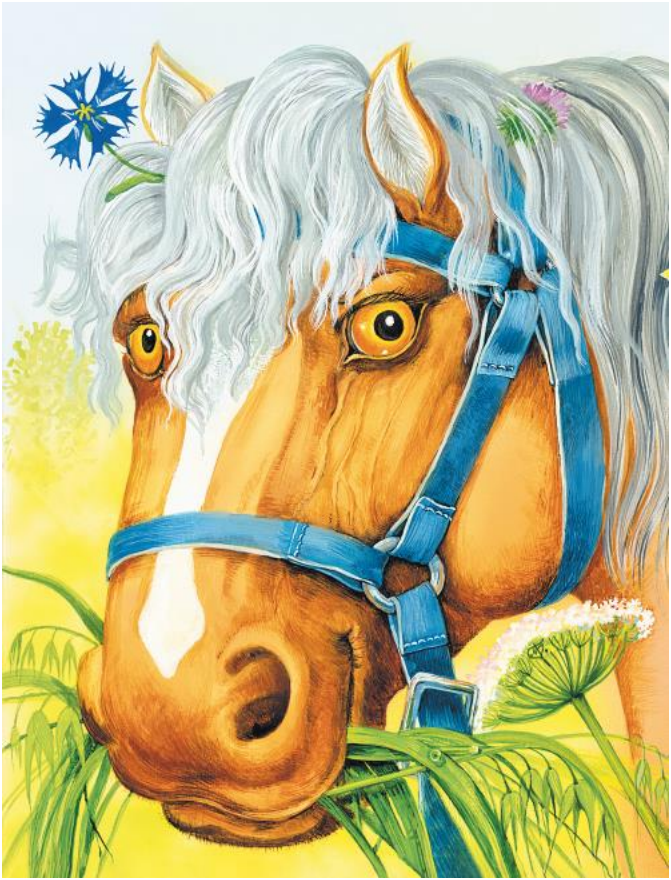
— Ну что ж! — сказал Пудик. — Всему сразу не научишься!

А кошка сидит на земле, счищая с лапы воробьихины перья, смотрит на них — рыжая, зелёные глаза — и сожалительно мяукает:

— Мяа-аконький такой воробушек, словно мышка… мя-увы…

И всё кончилось благополучно, если забыть о том, что мама осталась без хвоста…

Мерин



Жил у старика на дворе сивый мерин, хороший, толстый, губа нижняя лопатой, а хвост лучше и не надо, как труба, во всей деревне такого хвоста не было.

Не наглядится старик на сивого, всё похваливает. Раз ночью пронюхал мерин, что овёс на гумне молотили, пошёл туда, и напали на мерина десять волков, поймали, хвост ему отъели, — мерин брыкался, брыкался, отбрыкался, ускакал домой без хвоста.

Увидел старик поутру мерина куцего и заговревал — без хвоста всё равно что без головы — глядеть противно. Что делать?

Подумал старик да мочальный хвост мерину и пришил.

А мерин — вороват, опять ночью на гумно за овсом полез.

Десять волков тут как тут; опять поймали мерина, ухватили за мочальный хвост, оторвали, жрут и давятся — не лезет мочало в горло волчье.

А мерин отбрыкался, к старику ускакал и кричит:

— Беги на гумно скорей, волки мочалкой давятся.

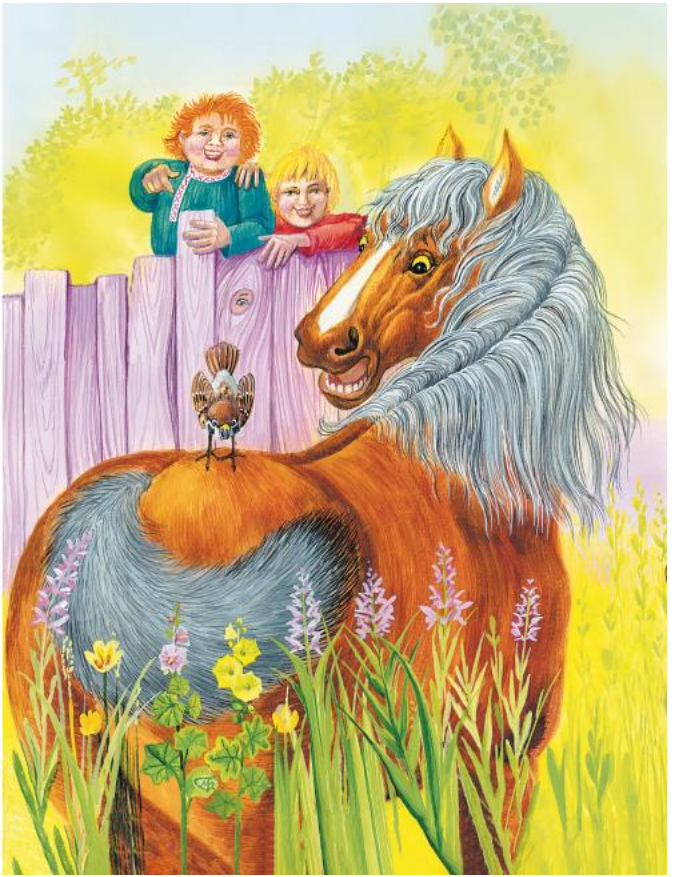
Ухватил старик кол, побежал. Глядит — на току десять серых волков сидят и кашляют.

Старик — колом, мерин — копытом и приударили на волков.

Взвыли серые, прощенья стали просить.

— Хорошо, — говорит старик, — прощу, пришейте только мерину хвост. — Взвыли ещё раз волки и пришили.

На другой день вышел старик из избы, дай, думает, на сивого посмотрю; глянул, а хвост у мерина крючком — волчий.



Ахнул старик, да поздно: на заборе ребятишки

сидят, покатываются, гогочут.

— Дедка-то — лошадям волчьи хвосты выращивает.

И прозвали с тех пор старика — хвостырь.

Лиса и Медведь

Жила-была кума-Лиса; надоело Лисе на старости самой о себе промышлять, вот и пришла она к Медведю и стала проситься в жилички:

— Впусти меня, Михайло Потапыч, я лиса старая, учёная, места займу немного, не объем, не обопью, разве только после тебя поживлюсь, косточки огложу.

Медведь, долго не думав, согласился. Перешла

Лиса на житьё к Медведю и стала осматривать да обнюхивать, где что у него лежит. Мишенька жил с запасом, сам досыта наедался и Лисоньку хорошо кормил. Вот заприметила она в сенцах на полочке кадочку с мёдом, а Лиса, что Медведь, любит сладко поесть; лежит она ночью да и думает, как бы ей уйти да медку полизать; лежит, хвостиком постукивает да Медведя спрашивает:

— Мишенька, никак кто-то к нам стучится?

Прислушался Медведь.

— И то, — говорит, — стучат.

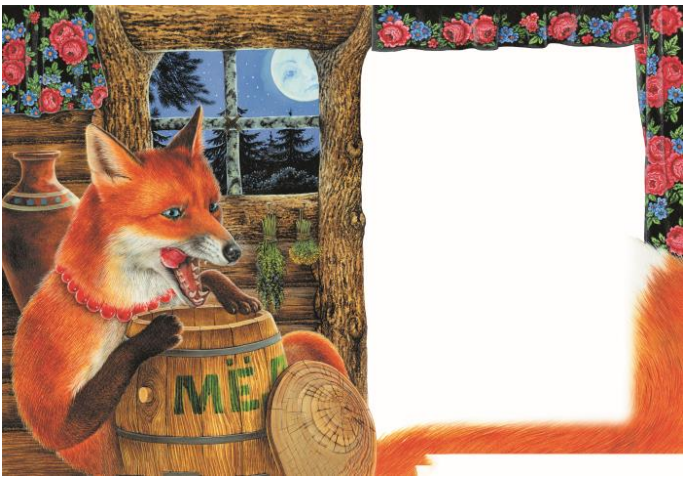
— Это, знать, за мной, за старой лекаркой, пришли.

— Ну что ж, — сказал Медведь, — иди.

— Ох, куманёк, что-то не хочется вставать!

— Ну, ну, ступай, — понукал Мишка, — я и дверей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, слезла с печи, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскарабкалась на полку и ну починать кадочку; ела, ела, всю верхушку съела, досыта наелась; закрыла кадочку ветошкой, прикрыла кружком, заложила камешком, всё прибрала, как у Медведя было, и воротилась в избу как ни в чём не бывало.



Медведь её спрашивает:

— Что, кума, далеко ль ходила?

— Близёхонько, куманёк; звали соседки, ребёнок у них захворал.

— Что же, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребёнка?

— Верхушечкой, куманёк.

— Не слыхал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманёк, мало ли чудны́х имён на свете живёт!

Медведь уснул, и Лиса уснула.

Понравился Лисе медок, вот и на другую ночку лежит, хвостом об лавку постукивает:

— Мишенька, никак опять кто-то к нам стучится?

Прислушался Медведь и говорит:

— И то, кума, стучат!

— Это, знать, за мной пришли!

— Ну что же, кумушка, иди, — сказал Медведь.

— Ох, куманёк, что-то не хочется вставать, старые косточки ломать!

— Ну, ну, ступай, — понукал Медведь, — я и дверей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, слезая с печи, поплелась к дверям, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскарабкалась на полку, добралась до мёду, ела, ела, всю серёдку съела; наевшись досыта, закрыла кадочку тряпочкой, прикрыла кружком, заложила камешком, всё, как надо, убрала и вернулась в избу.

А Медведь её спрашивает:

— Далеко ль, кума, ходила?

— Близёхонько, куманёк. Соседи звали, у них ребёнок захворал.

— Что ж, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребёнка?

— Серёдочкой, куманёк.

— Не слыхал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманёк, мало ли чудных имён на свете живёт! — отвечала Лиса.

С тем оба и заснули.

Понравился Лисе медок; вот и на третью ночь лежит, хвостиком постукивает да сама Медведя спрашивает:

— Мишенька, никак опять к нам кто-то стучится?

Послушал Медведь и говорит:

— И то, кума, стучат.

— Это, знать, за мной пришли.

— Что же, кума, иди, коли зовут, — сказал Медведь.

— Ох, куманёк, что-то не хочется вставать, старые косточки ломать! Сам видишь — ни одной ночки соснуть не дают!

— Ну, ну, вставай, — понукал Медведь, — я и дверей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, закряхтела, слезла с печи и поплелась к дверям, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскарабкалась на полку и принялась за кадочку; ела, ела, все последки съела; наевшись досыта, закрыла кадочку тряпочкой, прикрыла кружком, пригнела камешком и всё, как надо быть, убрала. Вернувшись в избу, она залезла на печь и свернулась калачиком.

А Медведь стал Лису спрашивать:

— Далеко ль, кума, ходила?

— Близёхонько, куманёк. Звали соседи ребёнка полечить.

— Что ж, полегчало?

— Полегчало.

— А как зовут ребёнка?

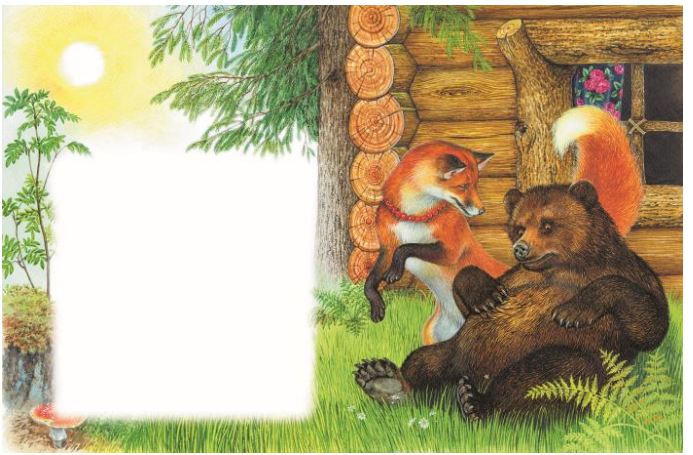
— Последышком, куманёк, Последышком, Потапович!

— Не слыхал такого имени, — сказал Медведь.

— И-и, куманёк, мало ли чудных имён на свете живёт!

Медведь заснул, и Лиса уснула.

Вдолге ли, вкоротке ли, захотелось опять Лисе мёду — ведь Лиса сластёна, — вот и прикинулась она больной: кахи да кахи, покою не даёт Медведю, всю ночь прокашляла.



— Кумушка, — говорит Медведь, — хоть бы чем ни на есть полечилась.

— Ох, куманёк, есть у меня снадобьице, только бы медку в него подбавить, и всё как есть рукой сымет.

Встал Мишка с полатей и вышел в сени, снял кадку — ан кадка пуста!

— Куда девался мёд? — заревел Медведь. — Ку-

ма, это твоих рук дело!

Лиса так закашлялась, что и ответа не дала.

— Кума, кто съел мёд?

— Какой мёд?

— Да мой, что в кадочке был!

— Коли твой был, так, значит, ты и съел, — отвечала Лиса.

— Нет, — сказал Медведь, — я его не ел, всё про случай берёг; это, знать, ты, кума, сшалила?

— Ах ты, обидчик этакий! Зазвал меня, бедную сироту, к себе да и хочешь со свету сжить! Нет, друг, не на такую напал! Я, лиса, мигом виноватого узнаю, разведаю, кто мёд съел.

Вот Медведь обрадовался и говорит:

— Пожалуйста, кумушка, разведай!

— Ну что ж, ляжем против солнца — у кого мёд из живота вытопится, тот его и съел.

Вот легли, солнышко их пригрело. Медведь захрапел, а Лисонька — скорее домой: соскребла последний медок из кадки, вымазала им Медведя, а сама, умыв лапки, ну Мишеньку будить.

— Вставай, вора нашла! Я вора нашла! — кричит в ухо Медведю Лиса.

— Где? — заревел Мишка.

— Да вот где, — сказала Лиса и показала Мишке, что у него всё брюхо в меду.

Мишка сел, протёр глаза, провёл лапой по животу — лапа так и льнёт, а Лиса его корит:

— Вот видишь, Михайло Потапович, солнышко-то мёд из тебя вытопило! Вперёд, куманёк, своей вины на другого не сваливай!

Сказав это, Лиска махнула хвостом, только Медведь и видел её.

